

Александр Жданов

Пятый постулат

*рассказы
и повесть*

Александр Жданов

Пятый постулат

«Издательские решения»

2015

Жданов А.

Пятый постулат / А. Жданов — «Издательские решения», 2015

В этой книге многие действительные события перемешаны с вымышленными, переставлены во времени. То же и с персонажами — даже если у них и есть реальные прототипы, то они вступают во взаимоотношения с полностью вымышленными.

Содержание

Барабанит дождь по крыше	6
Ночные полёты	9
I	9
II	12
Два гудка для Снегурочки	13
I	13
II	18
Пятый постулат	20
I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пятый постулат
рассказы и повесть
Александр Жданов

© Александр Жданов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Барабанит дождь по крыше

Странно она называла его в минуты нежности и особенного расположения: «Дождичек мой». Первый раз он удивился, потом раздражался, но вида не показывал, а со временем привык, и это уже нравилось. Он даже огорчился, если не слышал долго «Дождичек». А однажды сказал, что он будет называть её Тучкой. Если он дождик, то она тучка. Она засмеялась и утопила его лицо в своих волосах.

Всё это было давно. И он, конечно, давно уже был Леонидом Михайловичем, но представлялся сейчас лишь по имени – Леонид. Объяснял это тем, что ему нравится новомодная западная тенденция – так, мол, демократичнее. И вообще: люди хотят иметь дело с ним, и никому не интересно имя его отца. А ведь боялся он надвигающейся старости. Хотя какой это старик в шестьдесят-то лет! Но друзья недоумевали, глядя, как он молодится. Одеваться старался модно, отрастил волосы, стянул их на затылке резинкой – седой хвост прыгал на спине по рыжей замшевой куртке. Правда, серьгу в ухо нацепить не решился.

Сейчас он был дважды свободен. Во-первых, сделался пенсионером. Работать после выхода на пенсию не стал ни дня. На работе день рождения соединил с «отвальной» – и на следующий день на работу не вышел. Средств хватало, чтобы не соединять заслуженный отдых с вынужденной работой. Во-вторых, два года как он был свободен лично – развёлся с женой.

И тогда он вспомнил о ней – о случайно встреченной в Москве много лет назад женщине. Вспомнил её милую присказку:

Барабанит дождь по крыше,
Барабанит дождь по крыше,
Только мы его не слышим —
Мы не слышим ничего.

Она часто повторяла её, когда шёл дождь. И тогда глаза её становились печальными. Дождь вообще менял её настроение. Она то радовалась, смеялась, смело подставляла дождю лицо. А то затихала, забиралась в кресло с ногами и бормотала: «Барабанит дождь по крыше, барабанит дождь по крыше...». И грустно становилось обоим.

Номер её телефона он нашел в старых записных книжках быстро, набрал, хотя не был уверен, что номер не стал другим.

– Я слушаю, – её голос не изменился. Он сразу узнал эту хрипотцу.

Он молчал.

– Говорите, я слушаю.

– Барабанит дождь по крыше, барабанит дождь по крыше, – очень тихо сказал он.

– Ты?

Говорили сумбурно, сбивались, хотели всё сообщить сразу. Она почти одинока, муж давно умер, а дети живут своей жизнью. И договорились о встрече.

Можно было полететь самолётом, но ему захотелось размеренности и постепенности. Он поехал в дорогом спальном вагоне.

– Почему ты называешь меня дождичком? – спросил он однажды.

– А как ещё?! Свалился на меня, как ливень! Неужели ты не помнишь? Не помнишь, как мы познакомились?

Он помнил всё. Он и сейчас, покачиваясь в вагоне, помнил всё. Летний московский дождь, как водится, рухнул внезапно, встал стеной, зашумел. Загудели, запели водосточные трубы. А люди со смехом побежали искать укрытие. Случившиеся рядом немецкие туристы спешно доставали из сумок запасливо приготовленные зонты, говорили меж собой (как выяснилось потом, оба они владели немецким): «Странные эти русские – такой дождь, они совсем промокли, а смеются». А им, и правда, было смешно. Она поступила так, как поступила бы

любая женщина, – сняла белые босоножки и побежала по лужам, по потокам пузырящейся воды босиком. Мимо проносились такие же босоногие женщины, некоторые пытались прикрыться, как зонтами, сумочками.

Они оказались рядом. Поблизости ни подъезда, ни магазина, ни станции метро. Юркнули в телефонную будку – два незнакомых человека. Мужчина и женщина. Они стояли близко друг от друга, мокрые, возбуждённые бегом и самим событием. Сначала весело смеялись. Вспомнили недоумевающих немцев, перебрались фразами о московском дожде – «всегда так, внезапно!». Понемногу смех сменился разговорами о всяких пустяках. А он не мог оторвать от неё взгляда. Мокрое платье облепило всю её ладную фигуру, а волосы пахли дождём и летом. Он осторожно и нежно обнял её за плечи и поцеловал эти мокрые волосы.

– Порядочный мужчина сначала хотя бы познакомился, – тихо и очень спокойно сказала она.

– Так познакомимся сейчас...

Он проводил её до гостиницы. А утром, очень рано, уже сидел в фойе с букетом цветов. Он не знал, ни в каком номере она остановилась, ни её фамилии – только имя. Он сидел на диванчике в фойе и надеялся на удачу. И вдруг увидел: она спускалась по лестнице. На ней были джинсы и нежная кофточка (вчерашнее платье, очевидно, сохло на полотенцесушителе). Она улыбнулась и, кажется, обрадовалась встрече. Погуляли по Москве. Он водил её по любимым со студенческих лет местам, отвез в Зюзинский лес. Именно лесом называли они в студенчестве лесопарк в Зюзино. Он ездил туда с однокурсниками. От общаги отправлялся троллейбус, и на конечной остановке они выходили. Сейчас лес изменился – стал по-настоящему парком, облагороженным, с тропинками и прочими признаками цивилизации, но исчезла поэзия. Тогда же это был почти лес. В тот же день они были у него на даче. Приобрел её недавно, соседей ещё не знал (это облегчало конспирацию), сама дача была не обустроена, но им было хорошо. Впервые от близости с женщиной она задохнулась, провалилась в бездну и взлетела. И не было до сих пор более счастливых дней, чем три дня до её отъезда.

Вагон мерно покачивался, в такт позвякивал стакан в подстаканнике. На оконное стекло легли наискосок полосы дождя. Он вспомнил её присказку:

Барабанит дождь по крыше,
Барабанит дождь по крыше,
Только мы его не слышим —
Мы не слышим ничего.

За стуком колес действительно не было слышно дождя. А он вспоминал такой же дождливый вечер. Это было под Питером. При каждом удобном случае он мотался туда из Москвы. Они уезжали на дачу (опять на дачу!) к друзьям. Громко сказано: дача! Так, вагончик в лесу. Тогда они целый день не выходили из него. Дождь барабанил неистово. Неистовы были и они.

Отдышавшись, она запрокинула за голову руки и смотрела на потолок – дождь настойчиво стучал.

– Интересно, а он сможет пробить крышу? – сказала она. – Вот пробьет и прольется на меня, как Зевс на Данаю.

– Тебе уже нужен Зевс? Тебе не достаточно своего Дождика? – спросил он, склоняясь над ней и целуя в грудь.

– Я не о том, – она села на кровати, подтянула ноги к подбородку и обхватила их руками. – Я о том, что мы оба изменники. Мы оба изменяем. Ты – жене, я – мужу. И находим в этой измене счастье.

Он тоже говорил серьёзно:

– Это еще вопрос, когда мы изменяем. Сейчас, когда мы вместе и счастливы, или когда возвращаемся. Ты к мужу, я к жене. Мы изменяем своей любви. Мы должны это исправить.

– Боюсь, я пока не готова. И поэтому нам лучше не встречаться...

Больше двадцати лет прошло. И вот он нашёл номер её телефона. И позвонил. Они договорились о встрече, и он едет.

Состав подходил к перрону. Пассажиры засобирались к выходу, а он всё ещё сидел на своём месте. И только глядел в окно. Он хотел увидеть её отсюда, чтобы не искать там, на перроне, чтобы подойти сразу. И увидел. Она всматривалась в лица выходящих из вагона людей. На шее у нее был тот самый жёлтый шарф, с которым они когда-то дурачились. Но как же она изменилась! Она расплнела, пепельные волосы потускнели. Только сейчас он понял, что на самом деле прошло двадцать пять лет, только сейчас он увидел её возраст. А он-то ехал к той, что осталась в его памяти, чей образ не покидал его всю дорогу. Он увидел её – и испугался. Испугался, что приехал не к той, что не встретит в сердце прежнее сильное чувство. А, может, просто не захотел связываться с не совсем молодой, не обласканной жизнью женщиной. Он отчётливо видел, насколько она немолода. Это ведь только когда проживёшь с человеком много лет, видишь его таким, каким он был при первой встрече.

Он не вышел на перрон, а пошел через вагоны и тамбуры в хвост состава. В последнем вагоне проводница уже собиралась закрывать двери, и он, отодвинув её, соскочил со ступенек. Не оглядываясь, он вышел к стоянке такси и поехал в аэропорт. Билет на удивление купил сразу и пошёл в туалет. Там он долго умывался. А потом посмотрел в зеркало. И видел там постаревшего человека с горькими морщинами на щеках, с нелепо собранными в пучок на затылке седыми волосами. И холодным, почти стеклянным взглядом.

А небо над аэропортом было чистым и ясным. Дождя не предвиделось.

Ночные полёты

I

...А по ночам Петрович летал. Как это у него получалось, он не знал. Но взмывал над фонарями, деревьями, крышами домов и летел по ночному небу. Удобнее всего было летать на доске. На неё можно было сесть, а можно – лечь грудью. Потянешь за край доски на себя и взлетаешь, набираешь высоту. Надавишь вниз – и пошёл на снижение. Очень удобно, чтобы не врезаться в какую высокую трубу или дерево. Высоту набирал Петрович хорошую – иногда дух захватывало. Ни на каком самолёте не испытаешь такое. Правда, взлетать приходилось с разбега и опускаться на землю, что тоже не очень удобно и приятно. Вот если бы был в квартире Петровича балкон, тогда другое дело. Тогда можно было бы взобраться на перила, пристроить под собой доску, а то и вовсе без доски прыгнуть – и тут же взлететь. И прибалкониться было бы интереснее. «Нет, неправильно люди балконы используют», – рассуждал Петрович. Вот у соседа балкон – и что? Выйдет вечером, облокотится о перила и курит. Докурит до самого фильтра – и щелчком сбросит окурочек вниз. Окурочек, описывая дугу, летит и светится красноватой звёздочкой. Нет, некрасивая звёздочка. Вот Петрович видел настоящие – яркие, крупные. Они мерцали, словно подмигивали ему, пролетающему под ними.

Конечно, никому о своих полётах он не рассказывал. Да и кто поверил бы? Полёты были тайной Петровича. Другой тайной была крыша. Забирался туда Петрович редко. Рискованно было попадаться на глаза работникам ЖЭКа – согнали бы. Да ещё дверь на чердак бы заперли. Впрочем, с недавнего времени этот вариант его не пугал: ключ у Петровича был. Однажды, пробираясь, по обыкновению осторожно, на крышу, он заметил, что дверь на чердак приоткрыта, а из замочной скважины торчит ключ. Сантехники-тепловики работали или электрики, было неважно. Главное: не упустить такую удачу. Он спешно спустился в квартиру, бросился к шкафу, достал коробку с детским пластилином, неведь каким путём попавшую к нему. Петрович взял липкий брусок и заторопился назад. «Только бы не ушли, только бы не ушли», – приговаривал Петрович. Вернулся он быстро. Уф, дверь по-прежнему приоткрыта, ключ на месте. Осторожно, чтобы не звякнуть, не скрипнуть, Петрович вынул ключ из скважины, сделал в пластилине два отпечатка ключа – с одной и с другой стороны, так же осторожно вставил ключ назад, и тихонько пошёл домой.

Два дня он сокращал свой обеденный перерыв, чтобы подойти к станку без товарищей, остаться в цехе одному, два дня он вытаскивал ключ. Что так влекло его на крышу? Пожалуй, Петрович и сам не ответил бы. Да и как объяснить это чувство, когда и сверху и вокруг простор, и всё кажется выпуклым, словно под тобой огромный шар. Это тебе не соседский балкон, заваленный всяким хламом. Как объяснить это всё? И кому? Приятели засмеют. А жена ничего не скажет, только повертит у виска пальцем, сплюнет, отвернётся и замолчит на целый день. И что за привычка – эта молчанка? Ни в чём не упрекает Клавдия, не ругается. А вот так замолчит, ни на один, даже самый простенький и обычный вопрос не ответит, словно он, Петрович, виноват перед всем светом. И как не сбежать от такой молчанки на крышу?! Он и сбежал.

А недавно появились у Петровича на крыше и друзья. Стали прилетать голубь с голубкой. Прилетят, сядут поодаль, воркуют и смотрят на Петровича. А он на них. Долго могли так сидеть. Петрович приносил им пшена. Голуби так сдружились с ним, что стали на плечи садиться – один на одно плечо, другая – на другое. Наверное, забавно выглядели они: сидит человек, откинувшись назад, смотрит в небо, а на плечах у него по голубю.

В детстве и юности был Петрович голубарём, голубятню имел. Хорошо помнил, как открывал голубятню, выпускал голубей. Одного, самого игривого, подбрасывал в небо и свистел особым посвистом. И голубь начинал играть, кувыркатся в воздухе. Красота! Петрович и сейчас голубей завёл бы. Да где эту голубятню соорудишь? Да и жена запилит. Вот и оставалась просто крыша. Любил Петрович бывать там. Иногда даже жалел, что не кровельщик он, а токарь.

А если токарь, то работай брат по графику. Когда надо, выходи днём, а когда потребуется – в ночь.

Из ночной смены Петрович домой не пришёл. Поначалу жена, зная, что он мастер пропустить одну-другую стопку, не очень и волновалась. Только ходила и ворчала: «Опять у Гришки в гараже квасят. Дома работы по горло, а он своё горло промывает». Но когда муж не пришёл и к обеду, забеспокоилась. Решила идти за ним сама. Подходя к гаражу, услышала внутри голоса – все понятно: там, гад. Однако «гада» в гараже не оказалось. А товарищи вылупили глаза:

– Ты, чё, Клавдия, его ж в больницу увезли. Сердце прихватило на смене.

– Да как так? А что ж не позвонили?

Приятели мужа замялись:

– Дык... Как-то не подумали. Сами перепугались... Да и врачиха сказала, что они сообщат.

Прямо от гаражей побежала Клавдия в больницу. А в приемном покое медсестра даже до конца не выслушала сбивчивый рассказ Клавдии. Недовольно поморщилась:

– Что вы, женщина, меня отвлекаете, мешаете работать. Не поступал больной с такой фамилией.

– Да как же не поступал? Ночью прямо с работы привезли. Все товарищи подтверждают

– Товарищи вам что угодно подтвердят, если выпивают вместе. Все они алкаши такие.

Сама пилившая мужа из-за каждой рюмки, тут Клавдия возмутилась:

– Да какое вы право имеете?! Какой он алкаш? Говорю: с сердцем плохо стало.

– Может, и не алкаш, не знаю, – не унималась медсестра, – но такого больного нет. Отойдите, не мешайте!

Клавдия понуро отошла, но тут заметила, что дверь из приёмного покоя в отделение открыта. Оглядевшись по сторонам, она юркнула за дверь. В углу на каких-то старых коробках валялся халат – видно, санитарка скинула на время. Клавдия натянула халат и пробралась в отделение. Действительно, мужа там не было. Ни в одной палате. Странное дело: Клавдия ходила по отделению, заглядывала в палаты, но никто из персонала не обратил на неё внимания. Бегала она, бегала по отделению, пока один старичок не шепнул:

– Умер вчера один доставленный. Инфаркт. Поинтересовалась бы.

Поплутав ещё по отделению, спрашивая едва ли не каждого, женщина, наконец, нашла того, кто мог ей ответить. Заглянули в журнал – да, умер.

Клавдия опустила на стул. Напряжение, копившееся в течение всего дня, спало, и она беззвучно заплакала. Только теперь обратила внимание, что сидит всё еще в чужом халате, который натянула прямо на куртку, а из-под куртки выбивается кухонный фартук – в суматохе забыла его снять. Медленно сняла халат, сложила его аккуратно и повесила на спинку стула. Потом расстегнула куртку, не снимая её, развязала на спине концы пояса фартука, стащила его, так же аккуратно сложив, затолкала в карман. Оставалось отправиться в морг и выяснить всё там. А в морге снова ошаршили:

– Да, действительно привезли вчера труп. Но это же бомж был.

– Как бомж? Его же с работы привезли... Из ночной смены.

– Ну, не знаю. Вот записано: «без документов». Его и похоронили. Мест у нас мало, держать бесхозных не можем. Вон у нас семейные на полу лежат. Но если он и, правда, ваш, мы и номер могилы скажем.

Номер могилы назвали.

II

Было уже поздно, поэтому на кладбище Клавдия пошла на следующий день. А ночью похолодало. Начинались первые морозы.

Могилу на кладбище нашла по бумажке на удивление быстро. Опустилась на колени перед свежим холмиком. И впервые заплакала в голос: «Ты уж прости меня, Серёженька, не полюдски как-то получилось, как собаку зарыли». Поплакала – и немного полегчало.

– Я извиняюсь, – услышала Клавдия. За спиной стоял кладбищенский сторож, он же могильщик. – Што, мужа оплакиваешь? Так нет его в этой могиле. Здесь бабка какая-то лежит, а твой мужик вон в той. Там мужчину хоронили. Точно говорю, сам закапывал. А номерам ты не верь. Перепутаны номера – это у них бывает. Верь мне – моя бухгалтерия точная.

И Клавдия опять заплакала. От отчаяния, от безысходности. За что такое свалилось? За что её Петровичу такое – без отпевания, без венков и цветов, без поминок. И как сейчас устраивать поминки? Кто бы подсказал.

По дороге домой зашла Клавдия в церковь. В храме было пусто. Священник уже ушёл, лишь женщина с очень приветливым взглядом убирала догоревшие свечи. Только здесь, в тишине безлюдного храма, когда душу охватывает лёгкое светлое чувство, Клавдия поняла, что не знает, как вести себя. Куда поставить свечку, что сказать. Но женщина с приветливым взглядом всё объяснила, показала и посоветовала:

– Если не знаете, ничего не говорите. Просто подумайте. Господь и это услышит.

Из церкви Клавдия домой пошла не сразу. Она бродила по городку, заходя по несколько раз на одни и те же улицы с разных сторон. Плутала по дворам и переулкам, вышла на набережную. Город готовился к празднику. То там, то здесь вспыхивали огни иллюминации, обвитые гирляндами ламп деревья выглядели сказочно.

Спускался ясный морозный вечер. Какой-то мальчуган тянул за руку мать, которая уже очень долго разговаривала с подругой. На мальчишке была теплая куртка и шапка. Но тесемочки у шапки развязались, и шапка сползала мальчику на глаза. Он задрал голову, стараясь поправить шапку, и вдруг замер. Мальчик разглядел что-то в небе и теперь указывал туда рукой. Он очень хотел, чтобы мама, её подруга и прохожие тоже посмотрели вверх. Взрослые не обращали внимания: мама продолжала разговор, другие проходили мимо – и в небо смотреть не хотели. А Клавдия посмотрела. И потом слабо улыбнулась чему-то. Чему-то, что видела только она и мальчуган в шапке с развязанными тесемками.

Два гудка для Снегурочки

I

С самого начала командировка не заладилась. Московские гости не приехали, весь семинар был скомкан. Да и провели его не там, где планировали изначально, а в совершенно не годном для такого дела помещении. Вечно что-то гасло, глохло, пропадал звук. А затянули допоздна. К концу голова раскалывалась, хотелось есть, а ещё лучше было бы выпить горячего чаю и улечься в постель. Но принимающая сторона о ночлеге не позаботилась. Надо было возвращаться домой. А как вернёшься, когда рейсовые автобусы уже не ходят – последний ушёл пятнадцать минут назад. Можно было, конечно, попытаться переждать снежную ночь на автовокзале, но в два часа ночи зал ожидания закрывался до пяти утра. Что прикажете делать?

Спасали водители микроавтобусов, маршруток, как их называли. Они кучковались неподалёку от автовокзала, набирали пассажиров и отправлялись по разным направлениям. Элементарные леваки, конечно, но в критических ситуациях выбирать не приходилось. Однако в этот вечер и леваков не было. Случайно заметил в отдалении, не там, где они обычно собираются, такой «микрик». Водитель делал какие-то знаки рукой. Я подошёл:

- Повезёшь?
- Заходи. Только еще подождать придётся. Наберём попутчиков.
- Сколько возьмешь за дорогу?
- Да как рейсовый. Проходи, садись.

Я уселся в выставшем салоне. Неуютно, конечно. Хотелось побыстрее отправиться в путь, хотелось ехать, постепенно согреваясь и подрёмывая. Но приходилось ждать.

Десять минут ожидания показались часом. Попутчиков не было. Водитель еще переминался с ноги на ногу у машины и вдруг заторопился:

- Давай усаживайся, поехали быстрее, – сказал он почти скороговоркой, садясь за руль и решительно захлопнув дверцу.
- И что, ждать никого не будешь?
- Нет, некогда.

В зеркало заднего вида в свете фонарей можно было разглядеть трёх приближавшихся к машине крепких парней. Двигатель завелся – парни пошли быстрее. Автомобиль рванул едва ли не с места, быстро набирая скорость. Едва водитель успел повернуть направо, как в задний бампер стукнул булыжник.

– Рэкетеры хреновы, – объяснил водитель. – Бывшие борцы и боксеры. Вроде бы, какой-то тренер – его уволили за махинации всякие – сколотил банду. Жизни от них нет. Всех маршруточников под себя подмяли. Такой процент положили (ребята рассказывали), что не продохнёшь. А что делать? Попробуй не отстегни – изуродуют. Хорошо, если только машину. А то и самому руки переломают. Я-то извозом не занимаюсь. Изредка только, вот, как сейчас, когда домой еду. Подзаработать решил... Хорошо, что успели.

Выехали из города. После улиц, освещенных фонарями и светом из окон, шоссе казалось совершенно тёмным, а из-за метели видимость была и вовсе отвратительной. Просматривалась только часть шоссе, да угадывался лес по обеим сторонам от него. С трудом различимы будочки остановок рейсового автобуса. Водитель, понятное дело, не лихачил, ехал осторожно, но я заметил, что при этом он словно всматривается в трассу, будто кого разглядеть хочет. На повороте водитель слегка притормозил и просигналил двумя короткими гудками. И сразу же поехал дальше.

– Примета какая-то? – спросил я, чтобы что-то сказать, чтобы не висела в салоне окуты-вающая всё тишина. Водитель оживился:

– Прошлой зимой я также проезжал здесь. Тоже вечер, метель. Вдруг сквозь пургу вижу, как от леса к обочине подходит девушка. Молоденькая такая, тоненькая. В светлой шубке, а на рукавах и подоле белые такие полоски, оторочка что ли. А в руках мешок-не мешок, рюкзак-не рюкзак. Как Снегурочка какая! А что? Стоит одна – молодая, красивая. Сказочная. Отбилась в лесу от Деда Мороза, поплутала – да и вышла к шоссе. Я даже притормозил, зажмурился и головой потряс. Нет, вижу: не исчезла, а, наоборот, – к машине пошла. Замерзла, еле дверь открыла. Студентка. Домой на каникулы автостопом добиралась. Я довёз её бесплатно. Не хотелось сказку портить. Теперь, когда зимой проезжаю здесь, обязательно просигналю. А вдруг опять Снегурочка из лесу выйдет?

Водитель замолчал, а я вдруг вспомнил свою Снегурочку. У каждого мужчины в жизни была, есть или будет своя Снегурочка. Во всяком случае, должна быть.

...Эту Снегурочку звали Олей, и работала она медсестрой в окружном госпитале. Срочную военную службу он проходил в одном из очень жарких и весьма отдаленных гарнизонов одного из южных военных округов. Но уже два месяца их рота находилась в столице союзной республики, в центре округа. Ее прикомандировали туда на время.

Несмотря на южные широты предновогодняя ночь выдалась холодной, даже морозной, а в солдатском клубе почему-то не работало отопление. Наверное, кочегары слишком рано принялись праздновать. Кроме традиционного вокально-инструментального ансамбля, которые были тогда в каждой части, выступала агитбригада из госпиталя. И была среди выступавших Снегурочка. Наверное, медсестра. Было видно, что ей очень холодно на продуваемой сцене. Снегурочка всё время ёжилась, но выступление прошло замечательно. Солдаты – благодарные зрители.

А вот он не выдержал испытания холодом. В роте своей он считался главным писателем. Ему, по непонятной причине ушедшему в армию с первого курса филологического факультета университета, поручали выпускать «Боевые листки», и стенгазеты, писать речи для комсомольских собраний. Помогал он другим парням писать письма девушкам – чувствительные и красивые. И сейчас он по поручению замполита сидел на краю сцены, запоминал и записывал всё. Для того, чтобы потом изложить в ротной газете. Газета их роты должна была быть лучшей в конкурсе между частями гарнизона. Там-то его, наверное, прихватило – боли, рези и прочие неприятности. Врач части – интеллигентный лейтенант-двухгодичник Овсянников – заподозрил неладное с почками и отправил его в госпиталь.

В госпитале солдаты не бездельничали. В урологическом отделении в том числе. «Моряки» – так называли ребят с ночным энурезом (он еще удивился, как много таких: две полных палаты) – работали в свинарнике, из других отделений, тоже не спали. Уборка территории, работа в котельной – дел хватало. Его, как наиболее грамотного, определили в приёмное отделение – помогать медсёстрам, заполнять документы на поступавших, если надо, носилки поднести. Там его полюбили. Частенько он болтал с медсёстрами о разных пустяках, помогал и им делать стенгазеты.

Диагноз не подтвердился. Можно было и выписывать его, но учитывая все его способности, в том числе способность к рисованию, руководство госпиталя не спешило отправить такого пациента в часть.

На территории госпиталя была замечательная газетная лавка – маленький магазинчик, где, кроме газет, можно было купить писчебумажные принадлежности и книги. Трудно сказать, по какому принципу завозилась туда литература, но попадались помимо воениздатовских книг, и другие. Однажды он не поверил своим глазам. На прилавке лежал маленький, тоненький – блокнотик, а не книга – сборник стихов Лорки. Он сразу схватил его и таскал потом повсюду.

Было уже поздно, а он не уходил к себе в отделение. Сидел и читал. Она подошла неслышно, села рядом, поинтересовалась, что читает.

– Стихи. Федерико Гарсиа Лорка.

– Никогда не слышала.

– Испанский поэт. Его фашисты убили. В провинции с красивым названием Винсар. Вывели рано утром вместе с одним тореро и старым учителем. Провели их через апельсиновую рощу и расстреляли. И, не дожидаясь её следующего вопроса, боясь, что вопросом она что-то испортит, стал читать:

Начинается
плач гитары.
Разбивается
чаша утра.
О, не жди от неё
молчанья,
Не проси у неё
молчанья!..
Когда он прочитал финальное:
О, гитара,
бедная жертва
Пяти проворных кинжалов,

она по-особенному посмотрела на него и сказала:

– Как красиво! Как красиво и страшно! А еще прочитай что-нибудь.

Он прочитал:

И в полночь на край долины
увёл я жену чужую,
а думал – она невинна...

Когда он читал стихи, он весь менялся – менялись голос (становился ниже и сильнее), взгляд. Он сам весь наполнялся мощной энергией, и эта энергия захватывала других. Как опытный мужчина, имеющий право на женщину, он читал:

А бёдра её метались,
как пойманные форели,
то лунным холодом стыли,
то белым огнём горели.

В песчинках и поцелуях
она ушла на рассвете...

Он дочитал до конца. Она молчала. Потом сказала тихо:

– Вот ты какой.

Пристально, словно хотела увидеть что-то очень важное, посмотрела ему в глаза и нежно погладила по голове. Взгляд её серых глаз был мягким, обволакивающим, окутывающим. Как серый бархат.

Она молчала. Потом поинтересовалась, не пишет ли он сам, не писателем ли будет. Говорила скороговоркой, несерьёзно, отгоняя от себя то серьёзное, что проклюнулось и встрепену-

лось в душе. Он так же несерьёзно отвечал, пообещал когда-нибудь прочитать ей свои стихи. А, может, и посвятить. Посмеялись, подурачились. Но Оля не уходила. Давно закончилась её смена, пора бы и домой, но она сидела. Словно дома ждало что-то тягостное. А он и не хотел её ухода. Было очень хорошо, что она сидит рядом и рассказывает о себе, о том, что идти-то ей собственно некуда. Комнату она снимает после того, как ушла от мужа. Добираться с пересадкой с троллейбуса на автобус тёмным зимним вечером до дома, входить в необжитую, почти пустую комнату – нет уж. Вот когда дежурят Зойка и Ира, она остаётся. С подругами поболтать – и на душе легче.

Она жаловалась на бывшего мужа, который извел её своей ревностью, особенно злился, когда она выступала. А выступать, говорила она, любит больше всего, хотя серьёзная профессия в жизни нужнее. Вот сейчас, например, от мужа ушла – кто содержать будет? Потому и готовится: на курсы поступит, чтобы стать операционной медсестрой. И платят больше, и уважение. Что-то говорил и он. Много чего тогда нарасказали они тогда друг другу... И они сидели слишком близко в пустой тёмной ординаторской, и в отделении было необъяснимо тихо. Он обнял её за талию – она не напряглась, а, напротив, даже расслабилась, обмякла. Она была такой тёплой, близкой, такой понятной. Их губы встретились легко, как будто привыкли к ежедневным поцелуям.

– Вот ты какой, оказывается, солдатик-писатель, – сказала она. И добавила шепотом:

– Иди в сестринскую. Зойке скажу, чтобы не заходила.

В сестринской был лишь узкий жёсткий топчан с косым подголовником (на таких осматривают пациентов), но это им не мешало. Она склонялась над ним, обдавала горячим дыханием. А ее волосы щекотали ему лицо. Он целовал её серые глаза, всё погружаясь и погружаясь в их окутывающий взгляд. В темноте, конечно, цвета глаз не было видно, но он знал его уже наизусть и говорил:

– Ты Снегурочка. Ты моя Снегурочка. Я буду тебя так называть.

– Почему – Снегурочка?

– А ты была Снегурочкой. На Новый год у нас в части. Помнишь, было очень холодно – и ты всё время ёжилась на сцене? Там-то я и простудился. Я сидел рядом со сценой на ступеньках и всё записывал. Я не мог никуда уйти. Должен был подробно описать вечер в стенной газете. Замполит поручил.

Она не засмеялась, не улыбнулась. Сразу стала серьёзной и сказала:

– Так, значит, это я, писатель ты мой, притащила тебя сюда в госпиталь? Сама к себе привела.

– Ты хочешь сказать, что это судьба?

– Какая судьба? – он стала вдруг резкой и жесткой. – Минутная слабость. Ты выпишешься, уедешь в часть. Много вас таких солдатиков здесь обретается. Думаешь, ты один?.. – она, кажется, была готова оговорить себя. Но он всё равно не поверил бы – он уже был влюблён.

По молодости не умея еще понять всю глубину её переживаний, он попытался снова обнять её. Она увернулась, встала, надев халат, подошла к окну и, глядя в ночь, сказала:

– Собирайся и иди. Ночью вас могут считать по койкам. Да и утром на месте надо быть. Иди. Я позвоню Ире, чтобы тебе открыли.

Он уже стоял у двери, когда она, не оборачиваясь, сказала:

– Подойди ко мне.

Он подошел. Хотел обнять за плечи, но не решился. Решилась она. Обернувшись, она прижалась к нему и прошептала:

– Запомни это. Всё запомни. А теперь ступай..

И подтолкнула к двери.

Выписался он через неделю. Всё это время Оля никак не дала понять, что она думает или чувствует. Он был для неё одним из пациентов. Перед самой выпиской он проник в сест-

ринскую. На столе лежала книга. Олига книга – какой-то медицинский справочник. По нему Оля готовилась к поступлению на курсы, и его кроме неё – это он знал точно – никто справочник не раскрывал. Он вложил в книгу конвертик со своими стихами – какой-то жуткой смесью из Пастернака и Есенина, которую в другое время он сам разнёс бы по кочкам. Но сейчас он был влюблён. Он уехал в часть, а еще через неделю роту откомандировали назад в свою Тьмутаракань.

Вскоре в часть пришло письмо на его имя. Без обратного адреса. Лишь на штемпеле можно было разглядеть «Ташкент». В конверте лежал сложенный пополам тетрадный листок. Он развернул. На листке в клетку было написано четверостишие. Он, конечно, сразу узнал его – Лорка:

Тому, кто слывёт мужчиной,
нескромничать не пристало,
и я повторять не стану
слова, что она шептала.

Четыре строчки – и больше ничего. Письмо вместе с конвертом он тут же сжёг, чтобы ни одни глаза не видели этот тетрадный листок в клетку со словами, непонятными большинству его сослуживцев. И он всегда оставался верен этому завету...

Да, никогда я не рассказывал кому бы то ни было ни о каких своих похождениях. Но сейчас в метель, на плохой дороге меня словно прорвало. Водитель слушал внимательно, а потом сказал:

– Да... Снегурочки наши. Есть же мужики, которые могут вспомнить такое. Сколько ей сейчас? Наверное, за шестьдесят.

– Да, приблизительно так.

II

Когда прошли очередной поворот, вдалеке на обочине заметили тёмную фигуру.

– Ну вот и Снегурочка, – сказал я.

– Как бы не Баба Яга была, – проворчал водитель, словно предчувствуя что-то неладное, но всё же затормозил. Фигура не шевелилась. Водитель просигналил. Фигура медленно оторвалась и с трудом пошла по направлению к маршрутке. Пригибаясь, вошла женщина. Насколько можно было разглядеть в полутьме, пенсионного возраста, но еще достаточно бодрая, скорее всего, работающая.

– Подбросите?

– А куда вам?

– Мне в Славск

– Ну, мы-то прямо едем.

– Ну, хотя бы до перекрёстка. Там попутки часто ездят.

– Поехали.

Привыкший к разговорам в пути, водитель уже не давал покоя новой пассажирке:

– А что так поздно-то? И одна?

На это она ничего не ответила. Только устраивалась поудобнее, пытаясь согреться.

Словно оправдываясь, сказала:

– Ох, никак не привыкну к этим холодам, хотя почти двадцать лет живу.

– А откуда вы, такая теплолюбивая? – водитель, казалось, хотел обычного, ни к чему не обязывающего разговора.

– Я из тёплых краёв, из Ташкента.

– А у нас как оказались?

– Да как и все. Когда начали у нас бузить, межнациональные конфликты пошли, всё опаснее становилось. Потом русских выживать стали. Не открыто, исподтишка. То надо язык знать, то еще что. А какой мне язык, когда я медсестра, да ещё в госпитале военном работала. Но потом и в армии всё стало на их языке. Пришлось уезжать. Мне ещё повезло, я обменяться успела. Нашли чудом здесь какого-то узбека. Обменялись. Но там у меня была хорошая двухкомнатная квартира – под самый конец Советского Союза смогла получить от госпиталя, а здесь однушка в старом доме. Хорошо еще отопление проведено, печи топить не надо. Но мне не до выбора было – себя бы спасти.

Пассажирка уже освоилась. Она отогрелась, неловкость от вынужденного пребывания рядом с незнакомыми мужчинами прошла. Похоже, она была человеком весёлым и общительным. У неё был не по возрасту чистый голос и удивительные глаза. Я успел разглядеть их за то короткое время, пока в салоне горел свет. Они были серыми, а взгляд бархатный, окутывающий. Теперь пассажирка интересовалась своими попутчиками:

– А вы местные или тоже приехали?

– Приезжие, – ответил я за обоих. – Я, например, тоже из южных широт. Только не из Средней Азии, из Закавказья.

– А занимаетесь чем?

– Я редактор газеты.

– Писатель, значит? А я тоже знала одного писателя. Только молодого. Солдатик у нас в госпитале лежал. Всё мне стихи читал. А однажды даже посвятил мне стих. Смешно.

Я давно заметил, что водитель свернул с прямого шоссе, оставив позади тот самый перекрёсток. Он вёз пассажирку домой. Несколько раз за всё это время мы переглянулись с водителем через зеркало заднего вида. И водитель сделал то, на что не решался я, – он спросил через плечо:

– А зовут-то вас как, незнакомая пассажирка?

– Меня-то? Валентина. Валентина Павловна. Ой, ну вот – приехали. Так вы меня прямо домой привезли? Спасибо вам большое.

Весь оставшийся путь проехали молча. И даже прощаясь, водитель не стал ничего спрашивать, уточнять. Денег с попутчицы и с меня дополнительно за сделанный крюк не взял. А когда я, захлопнув дверцу его автомобиля, пошел к дому, он коротко просигналил два раза.

Пятый постулат

*Идет ветер к югу, переходит к северу,
крутится на ходу своем.*

Екклесиаст

I

Дальше оставаться в городе было опасно. Надо было бежать. Желательно далеко. О чем думал молодой статный армянин с выразительным профилем, когда похищал турецкую девушку Гюльназ? Похитил, привёл домой и объяснил отцу просто: люблю.

Похоже, и девушка любила молодого Герасима – стояла перед будущим свёкром, спрятавшись за Герасимом и кротко потупив взгляд. Решалась судьба. Пока не объявились родственники девушки, нужно успеть окрестить беглянку, обвенчать молодых и отправить их. Надо было спешить. Родственники девушки всё равно не смирились бы с позором, выкрали бы её и, скорее всего, убили, забросав камнями. Да и Герасиму с роднёй стало бы не сладко. Поэтому хотел отец быстрее убрать из города молодых, а потом сделать вид, что знать ничего не знает, что Герасим уехал в Эривань или Тифлис на заработки.

Уважаемым человеком в армянских кварталах города был Агабек, отец Герасима. Да и турки заходили к нему. Тогда вражды, лютой вражды, которая обернётся истреблением людей, еще и в помине не было. Да, уважали Агабека, но и ему пришлось немало потрудиться, чтобы уговорить священника быстро окрестить турчанку и тут же обвенчать молодых. Но упрямились в два дня: крестили, обвенчали и даже в дорогу собрали. Провожая, мать плакала и сокрушалась:

– Что ж так не по-людски – ни свадьбы ни сыграли, ни гостей не пригласили..

Муж рассудительно заметил, что лучше не погулять, да живыми остаться. Вещей в дорогу собрали немного – всего два хурджина, два красиво расшитых удлиненных мешка, связанных между собой, чтобы удобно было носить на плече.

Мать плакала, Агабек напутствовал:

– Доберётесь до Эривани. Оттуда поезжайте в Тифлис. Постарайтесь найти медника Ашота Дарчиняна. У него своя мастерская, дом. Он, наверное, помнит меня и на несколько дней приютит. Но, смотри, Герасим, не злоупотребляй добротой людей, не будь им в тягость. Уходи так, что бы они грустили о твоём уходе, а не вздыхали облегченно. Работать ты умеешь – не пропадёте.

Не только молодую жену-турчанку увозил с собой Герасим. Вез и турецкую, по сути, фамилию. Турецким словами образована она. Да и не могло быть иначе. Все предки Герасима шили обувь. Так и называли их: «чуст дузян», то есть «те, что делают башмаки». Стало быть, по-русски Чустузяны, живи они где-нибудь в Калуге или Твери, могли бы стать Башмачкиными.

В Тифлисе молодые и обосновались. Гюльназ, которая по крещении стала называться Репсимэ, родила Герасиму двух сыновей и трех дочерей. Старший сын, названный в честь деда Агабеком, повзрослев, отправился назад в Эривань. А младший Александр отправился туда, где можно было заработать. Тифлис был городом красивой жизни, туда приезжали потратить заработанное. А заработать можно было лишь в Баку.

Оторвался от семьи Александр. Осел в Баку. Даже фамильному ремеслу изменил: стал портным. Хорошим портным. Его и молодого уважительно называли Александром Герасимовичем. А ведь понравился ему новый город, улицы – и узкие с ломающейся перспективой и пря-

мые, как его большая портновская линейка. А какие названия! Торговая, Большая морская, Малая морская, Ольгинская. Он любил лето в этом городе – раскаленный воздух, который, казалось, разливался и рождал миражи. Любил и запах нефти. Морское бурение освоили не так давно, но промыслы подходили к городу всё ближе. Нефть привлекла в город деньги, город становился всё краше. И поехали в Баку люди. Нобель вложил в нефтедобычу, немцы налаживали мыловаренные фабрики. И район появился под Баку – Сабунчи, то есть Мыльники. Ехали и из самой России. Много людей – много заказчиков. Дела у Александра Герасимовича шли неплохо.

Из Астрахани приехала армянская семья. Поселились в соседнем квартале. И зашли как-то в будочку Александра вместе с дочерью. Разговорились по-соседски. А у Александра радостно забило сердце, когда он узнал, что девушку зовут, как и мать, Репсимэ. Девушка по-армянски говорила плохо, перемежала армянские слова с русскими, но это не мешало: бакинцы, а Александр уже считал себя бакинцем, по-русски говорили хорошо. А уж когда молодые встретились взглядами, о правильных словах можно было и не думать.

Такова, наверное, была судьба мужчин этого рода: отец женился на турчанке, сын на девушке из далёкой Астрахани. И другая улыбка судьбы: девочек рождалось больше. У Александра Герасимовича были три сестры. Родились у него три дочери и один сын Ерванд. На его-то долю и выпали испытания. Основательно учиться было некогда, работать приходилось у немца – обивщика мебели, на почте. Немец был суров, за складки на обивке, за недостаточно ровный ряд мебельных гвоздей с золотистыми шляпками бил линейкой по рукам. Приговаривал:

– Люди не скажут, что Ерванд плохо сделал, люди скажут: у Штольца плохо делают.

Хоть руки от таких уроков болели, он усвоил уроки эти на всю жизнь. И до самой старости был добросовестным в работе и службе.

Работа работой, а молодежи погулять хотелось. Нравился Губернаторский садик рядом с красивым зданием Бакинского дворянского собрания. Но у входа в садик стоял жандарм, а над входом надпись предупреждала: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен». Попадешь или нет в сад, зависело от расположения жандарма. Был и другой садик, Молоканский – не такой уютный, но погулять и там было приятно.

А на Пасху юноши ходили к церквям. Высматривали стайки барышень без сопровождения взрослых.

– Христос воскрес! – сняв картузы, подходили к барышням и могли безнаказанно целоваться.

– Воистину воскрес! – отвечали смущённые барышни, но против поцелуев не протестовали.

Но это позже, а в 1905 году город гудел. Бастовали и протестовали, казалось, все: нефтяники, печатники, булочники. Что заставило сносно живущего ремесленника ввязаться в политические события, сказать трудно. Но ввязался да еще и двенадцатилетнего подростка-сына привлек. Позвал его к себе, вынул из нижнего ящика кусок красной материи, велел сыну снять рубашку обмотаться этим кумачом, затем снова рубашку натянуть.

– А теперь, Ерванд, беги к дяде Вахтангу, отдай материю ему. Но будь осторожен.

У Вахтанга мальчика ждали. Торопливо размотали материю и понесли куда-то. А выйдя на улицу, Ерванд увидел, как проходит между домами возбуждённая толпа, как впереди взмыл ввысь кусок красной материи, принесённый им. Но, видно, не только передачей кумача поучаствовал Александр Герасимович в первой революции. Видимо, так поучаствовал, что после следствия оказался в Чите, а затем и в Харбине. Вернулся подавленным, больным, а вскоре разгорелась германская война. Ерванда как единственного сына не должны были призывать, но призвали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.